

В данном случае роль Мары была довольно ограниченной. Казалось, все было в порядке, Рис и адмирал Джосс тщательно выполняли свои планы, которые тщательно разрабатывались в течение нескольких месяцев, если не лет. Мару вежливо, но твердо исключили, отодвинув на второй план, и велели оставаться с Наследником, держа Риса в курсе его состояния. Даже когда они добрались до медицинского центра Халлина по задним коридорам и потайным переходам, группа из десяти человек в гражданской одежде, все из которых были военными, ожидала Риса у хирургического отделения. Они были назначены новыми телохранителями наследника.

Неудивительно, что Рис решил подождать в послеоперационной палате после того, как Люк перенес операцию. Думая только о Люке, Мара еще не связалась с ним, но, очевидно, другие уже связались. Бойцы 701-го полка, которых легко было опознать по темно-синим наплечникам на белой броне, теперь были рассредоточены по всему району, спрятавшись за дверями медицинского центра, вне поля зрения случайных прохожих. Десять телохранителей в штатском делали все возможное, чтобы слиться с окружающей обстановкой.

Мара задумалась, сколько еще людей находится во дворце, уже доставленных контрабандой с "Патриота", находящегося на орбите. Сколько из них были готовы выступить в любой момент? Сколько из них ответили на закодированные сообщения? Когда Люка перекладывали с носилок на койку интенсивной терапии, Мара решительно шагнула вперед. Ее взгляд был прикован к нему, его лицо было смертельно бледным, тело покрыто порезами и ушибами, все еще подключенное к системе жизнеобеспечения после операции. Он выглядел пугающе хрупким.

"Ну что?" С тревогой спросил Рис, когда Халлин включил сканирующие мониторы над его кроватью. Халлин, внимательно следивший за показаниями, ответил рассеянно. "Он только что перенес пятичасовое хирургическое вмешательство", - заявил он.

- Я полагаю, - вмешалась Мара, - не так уж много доступной информации о том, как лечить раны от светового меча?

Халлин на мгновение поднял взгляд, его тон был полон иронии: "А ты бы так не подумал?"

Он был не из тех, кто сомневается в своем врачебном мастерстве. К счастью, его уверенность была оправдана. Рана проникла достаточно глубоко, чтобы проколоть левое легкое, позволяя воздуху проникать в грудную клетку при каждом вдохе, ограничивая объем легких и вызывая удушье. Рис вмешался: "Натан, я должен знать, следует ли нам передавать сигнал". Халлин вздохнул, возвращая свое внимание к пациенту. "Извините, но на данном этапе я не могу вам сказать".

Мара нахмурилась. - Какой сигнал? О чем ты говоришь?

Оба мужчины не обратили на нее внимания. Халлин продолжила: "Это просто невозможно. У пациента серьезная травма живота, и я сделала все, что могла. Я закрыла рану в брюшной полости, которая простиралась спереди назад, но мои ресурсы ограничены. Дроиды-хирурги трудились последние несколько часов, но все же они не могут справиться со всем.

"Я не знаю, какую дополнительную информацию я могу предоставить. Необходимые нам данные могут быть у медицинской команды императора. Возможно, они не решаются поделиться, но я считаю, что попытаться стоит. Если бы мы отправили команду в их штаб-квартиру, возможно, они смогли бы помочь. - Халлин в смятении покачал головой. - Но что мы могли бы сказать? Мы не можем просто запросить информацию без разрешения, и даже если бы мы это сделали, скорее всего, она была бы передана только Палпатину и нескольким

другим избранным. Когда люди не понимают ситуации, они начинают задавать вопросы. Было бы благоразумнее просто объявить, что император скончался, а наследник, который мог выступить против него, получил серьезные травмы. Эта информация не совсем неправдоподобна, вез." Мара бросила взгляд на Риса. "Это действительно необходимо? О смерти императора рано или поздно придется объявить, но сейчас не время сообщать о том, что его наследник получил серьезную травму. Такую информацию невозможно утаить, она просочится за стены дворца в считанные мгновения. Нам повезет, если мы хотя бы попытаемся скрыть ее."

"Мы можем защитить его", - уверенно заявила Мара.

Рис, однако, твердо ответил, не отрывая взгляда от Халлина. "Мы должны придерживаться плана. Ничего не изменится, пока у нас на орбите не появятся два верных "супер звездных разрушителя" и еще четыре дополнительных эсминца, а также по крайней мере две трети 701-го полка и все ключевые сторонники. Коды были отправлены, и "Патриоты" уже в пути. "Бесстрашный", "Экзекутор", "Несравненный" и "Мститель" откликнулись, и мне потребуется девятнадцать часов, чтобы завершить все, - выражение лица Мары помрачнело, но Рис продолжил: - Я должен знать прогноз, прежде чем мы распространим изображения Наследника. Было бы безответственно начинать уверять всех, что все под контролем, только для того, чтобы увидеть, как все разваливается через два часа, когда Наследник умирает".

"Мне нужна определенность", - настаивал Рис.

Халлин прошипел: "Я не могу этого предоставить! Вы просите гарантий, которых у меня нет, чтобы предоставить информацию".

Мара отступила на шаг, возмущенная сюрреалистичностью того, что доверенные советники Люка препирались над его безжизненным телом, но не из-за беспокойства, а из-за необходимости управлять Голосетью.

- Что вы двое делаете? Послушайте себя — что вы вообще говорите?

Оба мужчины обернулись, и Рис заговорил первым. "Я делаю то, о чем просил меня Наследник, командер Джейд. Я пытаюсь стабилизировать империю, которая легко погрузится в хаос и гражданскую войну, если мы проявим хоть малейший признак слабости", - ледяным тоном ответил Рис. "Наследник обладает уникальной проницательностью в таких вопросах". Халлин прищурился, и это прозвучало как надгробная речь. "Он еще не умер", - заметил доктор. Рис снова повернулся к доктору, его брови приподнялись в ожидании. Доктор снова посмотрел на своего пациента и решительно поджал губы. "Он выживет. Он молод и силен, и ему доводилось переживать и худшее.

Мара почувствовала, как всеобщий гнев улегся после заверений доктора. Напряжение, которое росло с момента прибытия Люка, наконец-то рассеялось во время короткого разговора.

- Прошу меня извинить, у меня впереди напряженный день. И, кстати, он больше не наследник.

В нескольких световых годах от нас флагман Альянса повстанцев, "Дом-Один", поддерживал точно синхронизированную орбиту вокруг планеты Малая Яга. Первые слабые лучи нового дня проникали в иллюминатор корабля, отбрасывая тонкие тени на поверхность внизу.

Лея, внезапно пробудившись ото сна, села в постели, ее глаза были широко раскрыты и полны тревоги. - Нет! - воскликнула она в темноту, подняв руки в защитном жесте. - Нет! -

воскликнула она. - Нет! Хан, все еще полусонный, повернулся к жене, его голос был приглушен подушкой, которую он сжимал в руках. - Что случилось, любовь моя? он тихо спросил. Лея стояла, застыв в звездном свете, на лбу у нее выступили капельки пота, заставляя ее дрожать в холодной комнате. Воспоминания — фрагменты ярких воспоминаний — ворвались в ее сознание, эмоции были сильнее образов, пугающе реальные. Видения опасности и насилия, безрассудной самозабвенности и ярости — буря дикой и неистовой ярости, неудержимая и безжалостная, казалось бы, неизбежная. Казалось, что буря назревала целую вечность.

Темная и угрожающая тень маячила на горизонте, набирая обороты и приближаясь, словно изменение атмосферного давления. Ионы заряжались, становясь все более летучими и обширными. Ее сердце все еще учащенно билось о грудную клетку. Она обхватила себя руками, ощущая жжение в животе. Ее разум метался в погоне за этой ускользающей эмоцией. Она знала с абсолютной уверенностью только одно: "Что-то произошло". Никогда в жизни она не чувствовала себя такой уверенной.

Мара вышла на просторный балкон, глубоко вдыхая бодрящий, свежий воздух с оттенком первых заморозков, предвестников смены времени года. По мере того как солнце постепенно поднималось над городом, между высокими зданиями стелилась зимняя дымка, еще не тронутая бледным теплом рассвета. Это был новый день, предвещающий новую эпоху. Немногие еще осознавали это, но Мара чувствовала это всем своим существом. Лучи раннего солнца протянули свои пальцы к самым высоким шпилям дворца, придавая туману кристальную прозрачность. Новая эра... без императора. И все же был один, который боролся за свою жизнь в стенах медицинского учреждения вне поля зрения Мары.

Она должна была знать, она действительно знала, но не могла заставить себя признать это. И все же он разрушил ее, превратил в пыль и руины, не только по своим собственным причинам, но и по причинам, скрытым от всех, даже от Мары и Вейдера. Самое главное, он скрывал это от Палпатина, и Мара должна была понять, что он никогда не сможет удержать контроль над своим любимым волком. По крайней мере, ему удавалось сдерживать это на некоторое время. Внезапно, словно поднялся занавес, Мара вспомнила момент, когда Палпатин даровал Люку это имя, и причина, стоящая за этим, стала ясна — видение!

Видение той роковой ночи, когда Люк разбил укрепленное окно, наполнило разум Мары первыми проблесками его мастерства в Силе. Это было видение двух солнц-близнецов, алой луны и темного волка, несущегося сквозь тени, его когти царапали камень, когда он дышал в туманном лунном свете, охотясь.

Ее учитель спросил о ее опыте охоты, но в этот момент видение исчезло, растворившись без следа, как тает призрачный волк. Но Палпатин тоже был свидетелем этого видения — видения волка. Мара распознала это по его глазам и тону, поняв, что он уже видел это раньше, хотя и не мог до конца постичь его суть или, возможно, предпочел этого не делать. Для него это были просто сила и потенциал, то, что он мог контролировать и чем обладал, поэтому он стремился заявить на это права и дать этому название. Тем не менее, правда заключалась в том, что он так и не смог полностью приручить зверя — он оставался диким и необузданным, бросая вызов его усилиям по доминированию. Чем больше он пытался усмирить его цепями, тем сильнее оно скалило зубы в знак протеста.

Это действительно был достойный вывод. Мара размышляла о том, что Палпатин потерял свою империю таким же образом, как и построил ее — с помощью силы, с пылом страсти, которая переплела судьбы Вейдера, Скайуокера и пророчеств ее учителя, как джедаев, так и ситхов. И

теперь новый рассвет взошел над новой империей... и новым императором. Хотя Маре нравилось думать, что она его знает, она признавала, что понятия не имеет, что принесет эта новая эра.

Размышляя над этим, она услышала позади себя тихие шаги. Обернувшись, она увидела приближающуюся Халлин. "Я приношу извинения за наше поведение, командер Джейд. В данный момент мы все испытываем огромный стресс, и вы видите нас не с лучшей стороны. На самом деле, я думаю, вы видите именно это, и даже больше. - Она бросила взгляд на худощавую фигуру медика, который подошел и прислонился к тяжелой каменной балюстраде рядом с ней, устало потирая глаза после нескольких часов хирургической работы.

"Итак, как долго ты это планировал?" - спросила она, не из тех, кто ходит вокруг да около.

Халлин замолчал, уставившись на камень у себя под ногами, предоставив Маре самой заполнить неловкую паузу. - Мара, я знаю, что ты не слепая. Все уже было на месте — коды, линии связи, заранее определенные процедуры. Даже у Риса было что выложить в Голосеть, честное слово!"

Несмотря на резкие слова, ее голос был мягким и спокойным, что удивило даже ее саму.

- Ты должна понять, Мара. Он никогда бы не сделал этого, если бы не верил, что это для общего блага, - сказал Халлин.

Мара молчала, и, наконец, Халлин вздохнул, щурясь от раннего утреннего света, осенний воздух был еще достаточно прохладным, чтобы у него перехватило дыхание.

"Предполагалось, что это будет инсценированный государственный переворот", - наконец признался он. Он начал проникать во дворы и королевские семьи и пользовался молчаливой поддержкой более половины военных и адмиралов флота, а также капитанов эсминцев и фрегатов. Еще через год он получил бы контроль над военными. Они последовали бы за ним, даже если бы Палпатин отдал им прямые приказы.

Мара покачала головой. "Нет, император..." Она заколебалась, внезапно не зная, что сказать. Палпатин намеренно разделил флот, чтобы ни один из главнокомандующих не мог получить доступ к силам другого. Это давало Палпатину преимущество в случае, если бы даже значительная часть любого из флотов взбунтовалась. Однако он допустил ошибку, поменяв местами высокопоставленных офицеров между флотами, поставив на ключевые посты тех, кому он доверял. «Тех, кому он доверял», - подчеркнула Мара. Халлин мягко покачал головой. - Возможно, они и были лояльны, но им пришлось занять свои старые должности. При таком количестве лояльных Люку офицеров младшего звена, которые никогда даже не встречались с императором, разногласия только росли. Люк почти постоянно сопровождал флот, позиционируя себя как военный лидер, незаметно повышая офицеров среднего звена в званиях до более высоких.»

Мара кивнула, вспомнив о количестве молодых офицеров в основном флоте. Она вспомнила постепенное изменение отношения, которое, казалось, предвещало новую эру. Она была права насчет этого. «И они быстро пришли к власти, не так ли?» Он никогда не увольнял офицеров только потому, что они не были ему лояльны", - пояснил Халлин. "Если вы это имеете в виду, то он произвел перестановку, чтобы обеспечить более справедливое распределение лояльных". Даже перед лицом ее обвинений он хранил молчание, предпочитая сохранять спокойствие, а не вступать в спор. Очевидно, он чувствовал себя обязанным объяснить, но не хотел вступать в дискуссию.

"Те, кого он убрал, были шпионами", - уточнил он. "Палпатин понимал, что если они будут назначены в окружение наследника, их неизбежно раскроют и уволят. Таким образом, ответственность лежит на императоре".

- Нет, командер, - ответила Мара. - Дело не в том, чтобы обвинять кого-то. Речь идет об извлечении уроков из прошлого и движении вперед. Полагаю, я просто утверждаю, что мы должны делать все необходимое для обеспечения нашей безопасности. Он, несомненно, был прав в своих действиях, - заявила Мара, хотя ее словам не хватало убедительности. С наступлением рассвета в комнате воцарилась задумчивая тишина. В конце концов, Мара покачала головой: "Он должен был освободить Люка". - "Нет", - тихо согласилась Халлин. "Это ускорило наши планы и подготовило нас к сценариям, которые в противном случае показались бы нам трудными. Мара, нахмурившись, продолжал смотреть на восход солнца, но я внимательно наблюдал за ним.... Я знал, что вновь прибывшие офицеры и персонал проекта "Возмещение" были ему незнакомы. Он чувствовал, что вы внимательно за ним наблюдаете, - пояснил Халлин.

Теперь, когда все опасности и обманы остались позади, Люк остается здесь. Халлин испытывал особое сочувствие к Маре, оказавшись между противоречивыми привязанностями и ценностями. Она боролась с переменами, которых одновременно желала и боялась. Это понимание смягчило его тон. Старая вражда была забыта, когда он понял, что она тоже оказалась втянута в бурные события, как и он сам. Именно ее вмешательство в конечном счете спасло Люка. Она могла бы просто стоять в стороне и наблюдать за кончиной Люка, зная о его действиях против Палпатина, или уйти, защищая свое собственное будущее. Несмотря на опасения Халлин, она проявила настойчивость, обратившись за помощью к тем немногим, кого она считала заслуживающими доверия, и за это он не мог не восхищаться ею. Следовательно, она заслуживала объяснений.

Халлин продолжал использовать проект как средство мониторинга перемещений персонала и подразделений между двумя флотами, а также продвигал офицеров среднего звена на руководящие должности, когда это требовалось их начальству для решения проблем, связанных с проектом. Кроме того, он стратегически рассредоточил предполагаемые "горячие точки" среди лояльных офицеров, отделив их и назначив на недавно освободившиеся должности. Все видели, кого он набирал, но никто не задавался вопросом, куда они были направлены или кто занял их места.

Было возможно скрыть часть наиболее лояльного персонала среднего звена от Основного флота во время процесса перевода, а затем реинтегрировать их как в Основной, так и в Периферийный флоты. Халлину просто нужно было сообщить своему отцу имена тех, кого он хотел бы повысить в должности во флоте Кольца. Ожидаемая текучесть кадров, необходимая для реализации такого проекта, была существенной, особенно в связи с активизацией строительных работ. Одновременно он стратегически расставлял лояльных людей на руководящие посты, формируя свою личную базу власти. Незамеченной, ей было поручено следить за его взаимодействием, включая его попытки связаться с другими людьми, его передвижения и его разговоры со старшими сотрудниками, которых он назначил на станцию. Его обаяние и влияние обеспечили им лояльность, но она никогда не задумывалась о том, чтобы глубже вникнуть в их прошлое или в те замены, которые он произвел. Конечно, он никогда не проявлял никакого интереса к базе как таковой — во время своих визитов он никогда не выходил за пределы административных помещений. Его время было разделено между пребыванием там и работой на Patriot. Судя по цифрам и схемам, база представляла собой оживленное место, где персонал и оборудование находились в постоянном движении. Оперативный персонал состоял из чиновников среднего звена, которым он доверил выполнение своих указаний.

Он получил огромное количество информации, отправленной в его офис Patriot, которую он изучил, исправил, переназначил и проверил. Она присутствовала в комнате, когда он занимался этим процессом! Она видела, как он увольнял целые группы персонала, разделял их, а затем воссоединял с флотом. Весь проект служил плацдармом для разгона существовавших ранее ополченцев.

Она наблюдала, как он работает при ярком свете, отбрасывая тени. "А проект "Возмещение ущерба"? - наконец спросила она, убедившись, что Люк не вернет его императору, как она опасалась вначале. "У него есть кандидатура на примете", - призналась Халлин. "Кто-то из флота Приграничья, но он пока не предпринял никаких действий. Мы надеялись, что у нас будет больше времени — по крайней мере, еще год, — но, похоже, это происходит несколько преждевременно".

С губ Мары сорвался невеселый смешок. - Значит, у тебя даже есть временная шкала, - сказала она, хотя ей следовало бы быть разъяренной и негодующей, как это было накануне утром.... неужели это действительно было только вчера? И все же ее пыл иссяк, оставив после себя лишь тупую усталость и облегчение, притупившее чувство вины... и осознание того, что если этому суждено случиться, то именно такого исхода она и желала.

"Это не столько график, сколько траектория", - признал Халлин. "Впереди нас ждет интригующий год".

Мара резко повернулась к нему лицом. - Ты знаешь, что он собирается сделать?

Халлин покачал головой. "Я не могу сказать наверняка, но у меня есть подозрение... и вера", - сказал он, наблюдая, как рассветный свет медленно распространяется над новой империей. Затем он мягко спросил ее: "Коммандер, что вы собираетесь делать теперь?" Его слова имели больший вес, чем он предполагал, и Мара это понимала. - Я полагаю, это зависит от Люка, - нейтрально ответила она, понимая, что их доступ к нему может быть быстро закрыт, если они узнают правду. Люк оставался без сознания, поэтому никто не осознавал всей серьезности ситуации — что она была инициатором событий и обманула его. Всего лишь за день до этого он стоял на возвышении и заявлял, что его судьба в ее руках. В течение одного дня она остро осознала, что на самом деле все было совсем наоборот. Она вздохнула, отгоняя эти мысли, не в силах пока думать о них.

Халлин небрежно пожал плечами и продолжил возиться с балюстрадой. - Полагаю, нам нужно организовать коронацию. Хех, это вообще называется коронацией императора? недоверчиво спросил он.

- Тебе лучше это выяснить, Халлин, - ответила Мара, гадая, осознает ли он масштаб надвигающихся перемен. - Потому что вон тот человек вот-вот окажется в центре внимания... И ты не хуже меня знаешь, что ему это не нравится. Я могу гарантировать вам, что ваш "интересный год" начнется в тот момент, когда он сделает свой первый шаг.

События разворачивались с поразительной точностью, застав Мару врасплох своим тщательным исполнением и размахом. В качестве продуманного шага, призванного успокоить общественность, военные взяли на себя инициативу и официально объявили о важности обеспечения безопасности и стабильности Империи, как только новость стала достоянием общественности. Военные подчеркнули ту обнадеживающую роль, которую они сыграли в этом начинании.

Этот тонкий намек на преемственность в их статусе служил подтверждением того, что в вооруженных силах мало что изменится. Их поддержка была непоколебимой, и, несмотря на тревожные перешептывания, циркулировавшие при дворе и в королевских семьях, те, кто поддерживал Скайуокера, быстро пришли на помощь, осознав, что их время пришло, и они сыграли важную роль в обеспечении плавного и прочного перехода. Одной из влиятельных фракций, с энтузиазмом поддержавших нового императора, была Д'Арка, которая значительно укрепила свои позиции благодаря слухам о ее связи с Рисом. Они уже просили об эксклюзивной встрече, и, судя по тому, что Рис мельком взглянул на их записи, прежде чем удалить их, они, по-видимому, занимали высокое положение, когда представилась такая возможность.

После кончины императора все члены Красной гвардии были тайно распределены по небольшим командам в уединенных казармах. Эти подразделения были быстро заменены личным составом 701-го и 501-го полков, которые были переведены с орбитальных кораблей и вернулись с Экзекутора. Рис был полон решимости избежать любого риска, несмотря на то, что смерть Палпатина была объявлена естественным происшествием. В течение следующих двух недель в Голосети регулярно появлялись объявления, сопровождавшиеся тремя заранее записанными посланиями от нового императора, в которых общественность заверялась, что все под контролем. Конечно, никто не знал, что эти сообщения были предварительно записаны. Были приложены все усилия, чтобы сохранить эту информацию в тайне.

Снимки были сделаны на темном фоне, без каких-либо указаний на их местоположение. Тщательно подобранные слова всегда произносились в настоящем времени, что оставляло место для интерпретации в любой ситуации. В посланиях подчеркивалась необходимость сохранения спокойствия в этот переходный период, намекая на нечто большее: новую эру, шанс на трансформацию и потенциал перемен.

Инаугурация была тщательно спланирована. Дата была выбрана через пятнадцать дней после кончины Палпатина, якобы для того, чтобы дать высокопоставленным лицам достаточно времени для прибытия на Корускант, но на самом деле это также дало Люку больше возможностей для выздоровления и масштабного ремонта тронного зала. Рис настоял на том, чтобы провести церемонию именно в этом зале.

За семь дней до этого события Люк отправился в Императорское охотничье поместье на полуострове Исиг, где на торжественной церемонии были кремированы останки тела его отца. Хотя это было скромное мероприятие, оно имело огромное значение для Люка как способ попрощаться с отцом и обеспечить ему достойный покой. Он прекрасно понимал, что этот момент был бы невозможен без активного участия Мары. Только Люк присутствовал на закрытых и необъявленных похоронах, и даже его самым близким друзьям не разрешили прийти. Таким образом, его последние минуты с отцом напоминали их обычное личное общение, когда их разговоры оставались тайной между ними, что было сродни загадочному и изменчивому характеру всех их отношений.

Несмотря на свою физическую слабость, из-за которой он не мог стоять дольше нескольких мгновений, - факт, который он тщательно скрывал от посторонних глаз, - Люк сидел в величественном молчании, бесстрастно наблюдая за танцем пламени, его взгляд блуждал в мерцающем пламени.

И Мара, и Халлин держались на почтительном расстоянии, понимая, что им не следует вторгаться дальше, но все же каким-то образом вынужденные находиться здесь. Их горе было

ощутимым, хотя они не до конца понимали или разделяли его.

"Он манипулировал им", - в конце концов пробормотала Мара, имея в виду характер отношений Вейдера с сыном. Ее презрение было очевидным, вызванным ощущением несправедливости.

Халлин, наблюдавший за одинокой и меланхоличной фигурой, повернулся к ней. - Он знает об этом, - сказал он, и в его голосе прозвучала нотка смирения. Медик пожал плечами, продолжая наблюдать за Люком. - Некоторые связи не поддаются восстановлению, - тихо пробормотал он.

Взгляд Мары вернулся к Люку. - Я не могу простить, - решительно заявила она. Прежде чем уйти, Халлин задержался, чтобы бросить взгляд на Мару, и в его тоне не было и намека на упрек, когда он заметил: "Это редкое качество - обладать стойкостью, способной преодолеть очевидное". Затем он оставил ее наедине с ее собственными мыслями.

"Я бы подумала, что ты, как никто другой, оценишь его способность на такой поступок", - размышляла Мара, не отрывая взгляда от его удаляющейся фигуры, пока он спокойно уходил прочь. Ее мысли метались: знал ли он правду? Она неоднократно пыталась объяснить свое нежелание участвовать в событиях, приведших к кончине его отца и их неизбежной конфронтации, ища либо отпущения грехов, либо, по крайней мере, понимания. Однако Люк постоянно давал понять, что не хочет, чтобы она вдавалась в подробности, постоянно уводил или урезал их обсуждения, никогда не позволяя ей углубляться. Она сказала себе, что, возможно, он еще не готов, что события произошли слишком недавно, чтобы он мог их обсуждать. Она также размышляла о том, что Люк всегда понимал, что эти события неизбежны, что им так или иначе суждено было произойти с того момента, как он предстал перед императором, приведенный туда рукой своего отца. Обладая тремя различными желаниями и намерениями, каждое из которых было упрямо непреклонным и ни с чем не сравнимо уникальным, все они противостояли друг другу.

Она не понаслышке знала о коварных способностях Палпатина манипулировать людьми и понимала, что события могут быстро выйти из-под контроля, если он обернется против нее. Она взяла на себя часть ответственности за случившееся, но также знала, что ему нужно время, чтобы осознать это. Она не рассказала ему о своем участии, потому что если бы он узнал, то никогда бы не простил ее.

Рис шел по коридорам власти с привычным видом, как будто был коренным жителем этого мира. Его мысли были заняты обновлениями системы безопасности, отображаемыми на его автоматизированном устройстве. До инаугурации оставалось всего несколько дней, и дворец продолжал оценивать свой персонал, уделяя особое внимание охране и разведывательным службам, чтобы определить, кому можно доверить важнейшие обязанности.

Это была грандиозная задача, и, несмотря на ее высокий приоритет, она, вероятно, заняла бы несколько месяцев. Неизбежно нашлись бы те, кто уклонился бы от проверки. Вот почему создание нового разведывательного подразделения было сочтено необходимым. Существующая сеть, в конечном счете, объединится с недавно созданной, как только будут завершены все необходимые процессы проверки. Между тем, силы отца Риса и Скайуокера были настолько разрознены, что некоторые люди, потенциально способные стать серьезной угрозой в будущем, уже просочились сквозь трещины. В течение нескольких часов после смерти императора были опознаны несколько человек. Сате Пестаж не удалось найти, а четверо гранд-моффов исчезли, хотя их корабли остались в составе флота.

Дэнгор трижды появлялся на Билбринги, однако ожидалось, что местонахождение Слорпи станет известно в течение месяца. Кроме того, несколько членов правящего совета ушли в подполье. Оперативники Каррде уже установили личности троих из них и внимательно следили за ними. Люк предложил дать им несколько недель на то, чтобы определиться со своими действиями; как он заявил, их поведение в конечном счете приведет к их осуждению.

Лично Рис выступал за то, чтобы просто устранить их и других, но Люк утверждал, что члены правящего совета по-прежнему несут ответственность за управление повседневными делами Империи и фактически являются ее законодателями. На данный момент стабильность была необходима. Конечно, это был правильный курс действий в данных обстоятельствах. Однако, с точки зрения Риса, те, кто ушел, уже продемонстрировали свою сомнительную лояльность, покинув свои посты и забрав с собой имущество, которое они накопили. Тем не менее, Палпатин вел тщательный учет всех людей, и эти записи из разведывательных служб предыдущего режима оказались в распоряжении агентов нового императора в течение нескольких часов после его прихода к власти. Их уход не имел бы далеко идущих последствий. Империя устояла, и измена оставалась непростительной. Те, кто подтвердил свою преданность, были приняты с распростертыми объятиями, в то время как те, кто помогал в переходе, получили вознаграждение, а те, у кого уже были связи, получили поддержку. Рис твердо верил, что относится ко второй группе; его преданность преемнику не противоречила его преданности империи; они были синонимами. С момента своего раннего вступления в имперские вооруженные силы и последующего призыва в ряды Красной гвардии Вез оставался непоколебимо преданным Империи, непоколебимо веря в ее принципы. Даже после того, как он был назначен на службу в окружение императора, его убеждения существенно не изменились. Несмотря на это, его теоретическая приверженность идеалам Империи оставалась сильной, хотя и не была полностью реализована на практике.

Если бы на сцене не появился Люк, Вез, вероятно, продолжал бы служить императору и Империи таким образом, который, хотя и не полностью соответствовал его принципам, тем не менее теоретически сохранял верность им. Говорят, что героев лучше всего ценят на расстоянии, но близость может ослабить их ауру. Это то, что постепенно осенило Веза, заставив его осознать, что, возможно, его любимый император потерял из виду идеалы, которые изначально вдохновляли его, когда он предавался мирским удовольствиям.

Все, кто попадает во дворец, питают большие надежды, но вскоре они тоже разочаровываются, их надежды разбиваются о реальность придворной жизни. Сама суть Дворца развращает тех, кто живет в его стенах, оставляя их запятанными и разочарованными. Как только эти мысли начали укореняться в его сознании, появился Скайуокер. Сате, помощник императора, подошел к Везу. Как и Дангор до него, Везу теперь предстояло стать публичным лицом канцелярии Палпатина.

Сате был известен как доверенное лицо императора. Когда он обращался к кому-либо от имени Палпатина, это было знаком прямого приказа и личного признания. Это укрепляло его положение в высших эшелонах императорского двора.

Конечно, Вез согласился на это назначение. У него не было выбора — если бы он отказался, это означало бы конец его карьеры во дворце, а возможно, и в армии. Что-то побудило его — возможно, любопытство, возможно, честолюбие или даже некоторое тщеславие — быть избранным для выполнения этой задачи. Прослужив Скайуокеру почти два года, отчитываясь перед императором через Пестажу, Люк увидел, как его собственное презрение к мелким махинациям дворцовой жизни отразилось на Скайуокере, наблюдая за его попытками примирить личную этику с необходимостью выхода из этой неудобной ситуации.

Поэтому неудивительно, что Вез обратил на это внимание. Его предупредили, что назначенным связным будет ситх, способный читать мысли. Он точно знал, как подойти к этому человеку, когда пытался его завербовать, что он и сделал. Однако он уже давно не обращал внимания на Риза, явно считая его не более чем шпионом в своих рядах. Только после того, как Риз сблизился с Натаном Халлином, Люк начал относиться к нему теплее и включил его в свой внутренний круг. Риз казался лучшим выбором. Император был человеком непоколебимой решимости, твердым в своих убеждениях и непреклонным в своем стремлении к тому, что он считал правильным. Его руководство обширной и разнообразной империей требовало от него твердых моральных устоев и видения, выходящего за рамки личных амбиций или потакания своим желаниям.

Рис видел, что Империя под руководством Скайуокера была бы лучшим выбором для его народа. Он не считал себя мятежником или диссидентом, но, как и Скайуокер, понимал важность сотрудничества с теми, кто разделял его взгляды. Возможно, он не полностью одобрял их методы, но он твердо верил в целостность самой Империи и в способность Скайуокера сохранить и приумножить ее.

В своей преданности Рис не был предателем; скорее, он тщательно выбирал свою преданность, и до сих пор у него не было причин сожалеть о своем выборе. По мере приближения кульминации этих событий Скайуокер сохранял спокойствие и уединение в преддверии инаугурации. В отличие от Натана, который проявлял постоянную осторожность, или Джейда, чье поведение отличалось необычной нервозностью, Рис не упрекал его за отчужденность, поскольку считал, что с его стороны было благоразумно не высываться, учитывая все еще заметный характер его травм, и в любом случае, настало время для ему следует начать развивать в себе чувство отстраненности. Несмотря на пышность публичной церемонии, его статус императора теперь требовал от него соблюдения определенного уровня приличий.

Это был канун инаугурации, и Мара получила сообщение, которого она боялась, но в то же время ожидала на каком-то уровне. Это был голос Халлин по телефону, она нервничала, когда резко села в постели и включила световую панель рядом с собой.

- Мара, Люк с тобой? - спросила я.

" Нет, где ты сейчас?

Ее сердце подпрыгнуло. Она почувствовала, как оно замерло, а затем начало бешено колотиться у нее в груди.

- Подожди здесь, я сейчас приду.

Она пробежала весь путь до входа в апартаменты Перлемяна, которые снаружи казались спокойными и собранными. Освещение было приглушено на ночь, а главные двери закрыты, и на них дежурила охрана.

Внутри все было совсем по-другому. В каждой комнате горел свет, и около двух десятков самых надежных охранников собрались в офисе службы безопасности напротив основных помещений для персонала. Они просматривали записи с камер наблюдения, пытаясь проследить последние передвижения Люка. "Вы проверяли его жизненные показатели?" Спросила Мара, проталкиваясь сквозь толпу. Халлина нигде не было видно, но перед группой стоял Рис. Неделию назад по приказу Люка они отключили почти все камеры видеонаблюдения в квартирах, оставив только те, что были установлены у главного входа.

- Нет, мы просто проверяем присутствие каждого человека. Мы уже провели три визуальных осмотра, - ответила Мара, напоминая им всем. Звонки прослушивались Клемом, давним сотрудником службы безопасности, который без колебаний перешел от Палпатина к Люку.

Он повернулся к Рису и напряженным голосом заявил: "Мы проверили всех, кто за ним наблюдал, но его по-прежнему нет". Рис покачал головой, показывая, что в проверке признаков жизни нет необходимости. "Его нет в квартире", - заявил он.

Мара испытала чувство беспокойства, осознав сходство между этой ситуацией и той, когда Люк впервые покинул квартиру в погоне за свободой Хана. В то время он намеревался остаться во дворце. Однако сейчас...Рис взял Мару за руку и отвел ее в сторону от остальных. "У нас осталось меньше девяти часов до начала официальной церемонии инаугурации; без присутствия императора это было бы в высшей степени неподобающее зрелище", - воскликнула Мара.

"Тогда тебе следовало приглядывать за ним — только не говори мне, что ты этого не предвидел", - парировал Рис.

Мара вздохнула. "Предполагалось, что вы будете поддерживать его в стабильном состоянии. Не волнуйтесь, он посетит вашу важную церемонию". Она покинула охраняемую комнату, зная, что продолжать поиски бесполезно — если бы он хотел, чтобы его нашли, он бы это сделал. Вопрос был в том, хотел ли он этого?

Она успела сделать три шага по коридору, когда Халлин догнал ее, его взволнованный тон выдавал искреннюю озабоченность. - Есть какие-нибудь успехи?

- Его здесь нет, - ответила Мара, качая головой, и вышла в коридор, не зная, что делать дальше. - Нам просто нужно подумать об этом, - сказал Халлин, возвращая внимание Мары к себе, хотя он продолжал игнорировать ее взгляд, столкнулся или пропустил это мимо ушей в своем беспокойстве. "Куда он мог пойти?...вы когда-нибудь встречались где-нибудь наедине?" "Нейтан, если бы он хотел уйти, он бы уже давно ушел, - сказала она, - поверь мне". "Почему мы предполагаем, что он хочет уйти? - Спросил Халлин, нахмурившись, но не стал оспаривать этот факт. Мара отметила это. Она пошла по коридору, понизив голос. - Да ладно, ты же видишь, каким он был, - продолжила она. - Он не хочет этого - и никогда не хотел. - Халлин был невозмутим, странно спокоен во время кризиса, как и всегда, когда дело доходило до этого. "Если это правда, - сказал он, - он не останется на Корусканте. Его лицо повсюду в Голосети. Кто-нибудь мог бы его остановить. Он хочет убраться подальше."

Мара нахмурилась и включилась в дискуссию. "С кем из контрабандистов он имеет дело? С тем, у кого усы торчком?" - "Каррд расширил свою деятельность на Центральные миры", - сказал Халлин. "Его присутствие ощущается в самом сердце галактики".

- Где находится его ближайшая оперативная база? - вмешалась Мара.

Халлин на мгновение задумался. "Я знаю, что у него есть базы в Велусии и Абрегадо-Ре", - ответил он. - Однако ни в одно из этих мест нельзя легко добраться без использования транспорта дальнего следования, что требует наличия гипердвигателя".

На лице Халлина отразилась неуверенность. "Возможно, у него есть конспиративные квартиры на Корусканте, в частности, в районах, прилегающих к полярным регионам. Я предлагаю вам проконсультироваться с Везом по этому вопросу". К тому времени Мара уже достала свой комлинк из чехла. Ей в голову пришла новая мысль, и она заговорила в устройство: "Центр управления, это Джейд". Есть ли какие-нибудь суда, которые по расписанию должны покинуть

охраняемые отсеки в Западной башне?"

Диспетчер ответил: "Извините, мэм. Все отсеки башни были опечатаны до окончания церемонии". Мара нахмурилась, не желая отказываться от своих подозрений. "Есть ли что—то, что было проверено, но по чему еще не приняты меры - проверка в первоочередном порядке?"

Последовала короткая пауза, а затем диспетчер ответил: "Да, мэм. Два истребителя группы "Эхо" направлены на смену охране периметра в Третьем отсеке, а судно дальней разведки находится в девятом отсеке без определенного задания, но с обозначением "Эхо" - 701-й."

Мара прервала связь и бросилась бежать. "Я держу его!" - крикнула она, оглянувшись на Халлина, и несколько раз нажала на кнопку турболифта, борясь с желанием направиться к лестнице. "Эвакуируйте весь персонал из отсека 9 с максимальной осторожностью, не тревожьте его и не позволяйте никому подниматься!" Двери турболифта раздвинулись, и Мара вошла внутрь, а Халлин протянул руку, чтобы на мгновение придержать закрывающиеся створки.

"Как мне этого добиться, Халлин?" спросила она. "Ты больше не медицинский работник — ты помощник главного адъютанта. Вы можете отдать практически любую команду, уверяю вас. - Она мягко отодвинула его руку в сторону, добавив последнее указание, когда двери закрылись: - И не позволяйте никому мешать отправлению корабля, потому что они все равно откроют его и улетят!"

К тому времени, когда Мара прибыла на место, причальный отсек был пуст. Сотрудники службы безопасности стояли снаружи в коридоре, выглядя озадаченными и встревоженными, но Халлин, очевидно, уже эвакуировал всех остальных. Мара шла по тихому, тускло освещенному небольшому причальному отсеку, расположенному в Западной башне. Вход открывался в ночь, и несколько разведывательных кораблей были припаркованы у стен, их носы были направлены в сторону выхода.

Она приблизилась ко второму судну, которое было легко отличить от остальных, поскольку оно было единственным, чьи посадочные зажимы были убраны. Люк был открыт, и она подняла руку, чтобы открыть его, но замерла на полпути, осознав, что понятия не имеет, что делать, если Люк находится внутри. Если он не вернулся, что тогда? С решительным выражением лица она нажала кнопку и вошла в кабину, направляясь к кабине пилота короткими шагами. Почему она была такой молчаливой? Он был ситхом и, вероятно, знал, что она прибыла одновременно с ним.

- Ты присоединишься ко мне? Его ровный и уверенный голос заставил ее вздрогнуть, когда она открыла дверь в затемненную кабину пилота. "что это?" Она была ошеломлена его присутствием и твердостью его тона. Люк не обернулся, его взгляд и мысли были прикованы к темному пространству, видневшемуся сквозь двери ангара.

"Я ухожу", - заявил он. "Ты хочешь сопровождать меня или собираешься оставить здесь?"

Мара замолчала, пораженная решимостью, прозвучавшей в его словах. Она намеревалась убедить его остаться, но разговор принял неожиданный оборот. Она тихо заговорила с порога. - Куда ты собираешься пойти?

Он слегка пожал плечами, все еще глядя в пустоту. - Куда угодно. Делать что угодно.

"почему?" Мара сделала несколько шагов вперед. Люк сидел напряженный, его рука лежала на

кнопках управления, которые должны были привести в действие двигатели корабля. Ей стало интересно, как долго он здесь находится. Согласно бортовому журналу, посадочные стойки были убраны более чем за час до этого.

Интересно, что Люк запросил разрешение на прямую связь с дворцовым управлением за три дня до этого. "Почему ты уезжаешь?" спросила она, и этот глупый вопрос вызвал ответ. Она слышала, как он быстро нажимает ногой на педаль акселератора, словно ему не терпелось сорваться с места, но при этом он казался странно спокойным. В нем была какая-то напряженная неподвижность, похожая на тишину в центре бури. Без Палпатина или влияния своего отца, которые могли бы направлять его, он, казалось, разделился на две личности: одна была уверенным в себе, целеустремленным ситхом, созданным Палпатином, в то время как другая была скромным идеалистом, который пришел сюда неохотно. Тем не менее, обладая ярко выраженной индивидуальностью, он никогда не отступал от своих убеждений Палпатина, которые глубоко укоренились в нем, гарантируя, что он никогда не сможет полностью отделиться от них. Люк оставался неподвижным, его взгляд был прикован к проблеску свободы. Все его существо было настроено на это, словно оно манило его. "Почему я должен остаться?" - спросил он, нетерпеливо притопывая ногой.

Мара, тут же пожалев о своих словах, ответила: "Этого хотел твой отец". Он перестал постукивать ногой, и температура, казалось, упала на несколько градусов, хотя он и не обернулся. "Прости, это было несправедливо с моей стороны", - сказала она, снова начав притопывать ногой, более взволнованно, чем когда-либо... но она продолжала вглядываться в темноту.

Наконец Люк заговорил. "Мой отец жаждал власти. Для тебя. Он желал этого для вас. Вы выполнили все, что он задумал; все, к чему вы стремились. Настало время пожинать плоды своего труда. - Мара на мгновение замолчала, не уверенная в том, что он имеет в виду. - Ты император! - воскликнула она, но он лишь покачал головой, его тон был полон цинизма.

- Да, это я, - наконец заговорил Люк, и его голос, низкий и идеально поставленный, сменился легким акцентом. "Я не Император, я просто никто с Татуина, который изменил курс галактики". Он равнодушно отвел взгляд и заявил: "Я не Император".

Мара пристально посмотрела на него, пытаясь вникнуть в его слова. - Но сейчас ты такой и есть, - настаивала она. Люк покачал головой, отказываясь вступать в дискуссию, и, обхватив себя руками, уставился в иллюминатор на темные просторы свободы за его пределами.

Мара продолжала пристально смотреть на него, пытаясь понять, почему он отрицает свою личность. - После стольких лет борьбы ты хочешь просто уйти? - спросила она. Люк на мгновение обернулся, удивленный тем, что она все еще не может понять, даже после всего, что они пережили вместе. "Да", - ответил он без колебаний. "Это именно то, чего я хотел — это дело, за которое я боролся". Он продолжил: "Я боролся с Палпатином не за его должность; я боролся за себя. Это Вейдер хотел получить эту должность, а не я.

- Я ничего ему не должна. Я не стремлюсь к власти, я просто хочу свободы, - сказала она, протягивая руку, чтобы взять его за локоть. - Разве ты не видишь, что именно поэтому мне это и нужно? - Нет, - ответил Люк, отмахиваясь от ее прикосновения, не желая принимать эту близость, если это означало оставить ее позади. - Никто не должен обладать такой силой. Пусть падальщики дерутся между собой. У меня нет причин оставаться.

- А как же я? он повернулся, и его взгляд встретился с ее, притягивая ее к себе так же сильно, как когда-то его притягивало ночное небо. - Пойдем со мной, - сказал он.

В тот момент она последовала бы за ним куда угодно, если бы ее что-то не удерживало. Она не была уверена, что это была преданность ее бывшему хозяину и желание стать свидетелем его прихода к власти и быть рядом с ним. Она моргнула, глядя вниз, разрываясь между двумя желаниями: убежать с ним или остаться, вложить деньги в знакомство на всю жизнь и узнать, на что он способен.

Она хотела быть здесь, рядом с Люком, как с императором. "Моя жизнь здесь, Люк, как и твоя", - сказала она. "Это мой дом". "Это место, где я был заключен в тюрьму, подвергался избиениям, слежке и манипуляциям в течение пяти лет", - ответил он, и его голос вернулся к своему сухому тону, сопровождаемому официальным акцентом. "Там же скончался мой отец, но это в прошлом", — сказал он, не желая вдаваться в подробности, зная, что она не поймет - да и как она могла понять? "Теперь пришло время двигаться вперед. Это твое будущее, твое существование здесь".

"Я достиг всего, к чему стремился", - продолжил он. "Итак, можно меня оставить в покое?"

Мара изумленно уставилась на него. Как он мог желать все бросить? Как он мог быть так уверен в своей правоте? Почему его решимость была такой непоколебимой? Она попыталась подойти к делу с другой стороны. - А как же все наши планы?

Он на мгновение отвел взгляд, крепко сжав челюсти, затем снова посмотрел на звезды. - Это были всего лишь планы, - сказал он. - И их больше нет. - Мара нахмурил брови, потому что он ожидал этого. В течение последних двух недель Халлин постепенно раскрывал фрагменты своих замыслов, целей и амбиций. Однако затем Мару поразило осознание: Люк на самом деле не рассчитывал на выживание. Он разрабатывал планы и организовывал мероприятия с намерением достичь результатов, которые считал выгодными, намекая на тактику и потенциальные стратегии, но, по правде говоря, это был всего лишь фасад. Это помогало ему оставаться активным, вселяло надежду в других. Он никогда по-настоящему не верил, что окажется здесь, и все же он был здесь. Он будет цепляться за все, чего достиг, и использовать это как трамплин для прогресса, если возникнет необходимость. - Я знаю о ваших планах с Халлином и Рисом, - обратился Люк к Маре. - Вы просто отказываетесь от них сейчас? От этих возможностей? Он резко повернулся к ней, и она мельком увидела в его взгляде императора ситхов. В его голосе прозвучали нотки насмешки, и он презрительно фыркнул.

От привычности ситуации у нее потеплело в животе. "Я не могу понять, как Халлин мог хранить молчание в течение пяти лет", - размышляла она.

- Он поделился со мной этой информацией, потому что гордился твоими достижениями; потому что верил в твои способности; потому что он доверял тебе, - ответил Люк, вздохнув и потеряв виски. - И все же, оглядываясь назад, я понимаю, что он оказался глупцом.

- Нет, это не так, - вздохнул Люк, качая головой и возвращая взгляд к обещанию свободы, которое лежало за стенами дворца. "Как бы мне ни хотелось согласиться с вами, правда в том, что он один из самых умных людей, которых я когда-либо знал, и он верит в меня".

Резкие нотки его акцента и манеры поведения снова сменились сомнениями. "Я не император, Мара", - сказал он. "Ты не император", - поправила она. "Но ты никогда не хотела им быть — ты никогда не стремилась к этому".

Она продолжила: "Все, что вы делаете, вы делаете не для себя. Вот почему Халлин доверяет вам, и почему все остальные делают то же самое. Взгляните на себя сейчас, потому что у вас есть способность держать все в руках и при этом менять направление. Сможете ли вы это

сделать? Это то, чего ты хотела?"Когда-то так и было, но она ошибалась. Халлин тоже заблуждался. В конце концов, он столкнулся с Палпатином по своим собственным причинам, поскольку Палпатин причинил ему зло, и он потребовал возмещения ущерба. Когда он объявил Палпатину о своем намерении разрушить империю, созданную ситхами, и стереть все следы ее прародителя из истории, разве это не было продиктовано его собственными мотивами?.. или это было так?

Он больше не мог вспомнить, не мог различить, где заканчивался порыв к мести и начиналось стремление установить высший порядок. Они смешались и слились воедино, и, по правде говоря, он не знал, имеет ли это какое-то значение. "Обуздай свои эмоции, - наставляла она, - и подчини силу, которую они воплощают, своей воле". "Они сделали бы тебя неуязвимым", - эхом отозвалось в его голове учение учителя, и как это могло не сделать его ситхом? Он боролся слишком упорно и слишком долго и где-то на этом пути потерял важную часть себя - свою мораль, принципы, честность и совесть. Он не был уверен в том, что произошло, но чувствовал пустоту внутри, которую можно было заполнить силой и амбициями. Было ли это неправильно? Он не мог вспомнить, чего он когда-то хотел, кем он был. Это пугало его больше, чем древние пророчества или мастера ситхов. Осознание этого наполнило его ужасом. Люк заерзал на стуле, его рука непроизвольно потянулась к боку. Рана, все еще свежая, заставила его поморщиться. После того, как он так долго держал все в руках под огромным давлением, это стало для него нормой, но теперь, когда ограничения были сняты, на его плечах больше не было никакого груза. Он не знал, как жить дальше, он даже не знал, что делать.

"Мара, я так устал", - сказал он. "Я устал пытаться быть тем, кем я не являюсь. Я больше не могу этого делать. Все ожидают, что я буду тем, на что я не способен".

"Они ожидают, что ты будешь самым собой, Люк", - сказал другой мужчина, его покрытые шрамами губы изогнулись в улыбке, когда он легонько провел пальцами по кнопкам запуска, выполняя последовательность действий по включению двигателей.

"Абсолютная власть развращает абсолютно", - добавил он. "Ты слышал эту фразу раньше? Это всего лишь фраза, Люк. Реальность гораздо сложнее". "А что, если это не так?" Спросил я. "Что, если решение действительно так просто?" Что, если я попытаюсь и потерплю неудачу, и кто помешает мне стать новым Палпатином?"

"Тогда не позволяй этому случиться", - ответил он. "Как я узнаю, когда перейду черту?" Она успокоила его: "Просто будь самым собой. Ты будешь знать, что делать. - Он поднес руку ко лбу, закрыл глаза, и его голос звучал устало. "Я больше не знаю, кто я", - сказал он.

Мара ответила, полностью доверяя этим словам: "Ты такая, какая есть. Ты - человек, который сидел в этой кабине в течение последнего часа, пытаешься уйти, но не в силах проявить необходимое для этого эгоистичное безразличие. Вы думаете, что я вас не знаю, но это не так. Вы не можете бросить этих людей и их веру в вас. Они также не предадут вас. Никто не просит вас делать это в одиночку. Мы все здесь, чтобы помочь вам. Она протянула руку и положила ее ему на плечо, ослабляя его хватку, пока он боролся с рычагами управления. Она почувствовала, как он слегка расслабился, и поняла, что он останется. Вместе они могли бы многое изменить, как он всегда и хотел, размышляла она.

Наконец ритмичное постукивание стихло, и он, казалось, почувствовал себя более непринужденно. Его тело перестало быть напряженным, а усталый взгляд оторвался от узкой полоски звездного неба. Когда он повернулся к ней, в его необычных глазах появился блеск. В его голосе не было ни намека на сожаление или неуверенность, как и в прямой осанке. Превращение было таким же внезапным, как и всегда.

- Если бы я улетел, ты последовал бы за мной? он задал этот вопрос скорее как вызов, чем как вопросительный жест. Мара ободряюще сжала его руку и заявила: "Я бы пересек самые отдаленные уголки галактики, чтобы найти тебя".

Он улыбнулся ей в ответ и спросил: "А потом?"

Она улыбнулась в ответ и ответила: "Тогда я бы вернула тебя сюда, чтобы ты больше никогда так меня не пугал".

<http://tl.rulate.ru/book/24624/1286989>